Price in NYC 50¢, outside of NYC $1

стр.4-7

СОЛНЕЧНЫЙ КЛОУН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ...

стр.14-15

№30 (268)
ИЮЛЬ 2025

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

стр.10-11

С ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ НА ВОСТОЧНОЕ...

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ

стр.20

ВЕЛИКАЯ

Геннадий Норд

Молоденькая актриса влюбилась в начинающего адвоката. Ее звали Мария Ермолова, его - Николай Шубинский. Страсть захлестнула обоих. 1875 год, подмосковное Владыкино, где родители Марии много лет подряд снимали дачу, свидания у речки Лихоборки, первый поцелуй, пылкие письма, ощущение того - что именно это самое главное и единственное в жизни…

Николай Шубинский

Николай Петрович Шубинский только окончил юридический факультет Московского университета. Он был красив, представителен и речист, и Маше казалось, что их любовь навсегда. Правда, юная Ермолова смотрела на многие вещи в жизни трезво. Сохранилось ее письмо к жениху:

«Я, конечно, не рассчитываю на бесконечную любовь до могилы, хотя эта могила наступила в сто лет, нет, это вздор, но я… Нет, мне, кажется, вы разлюбите меня скоро».

В 1876 году они поженились. Они с мужем были очень разными людьми, хотя кое-что общее у них имелось: оба были талантливы. Мария Николаевна теперь имела все: особняк, налаженный обеспеченный быт, известного мужа, который делал стремительную карьеру. Молодого адвоката заметил знаменитый Федор Плевако и взял к себе в помощники.

Шубинские были родовиты, даже богаты, но дед Николая, завзятый картежник, любитель охоты и цыганок, спустил почти все: из многих имений осталось только одно, да и то заложенное-перезаложенное. Однако, сын его оказался человеком дельным и по крохам восстанавливал семейное состояние.

Николай Шубинский обладал и бульдожьей хваткой, и аналитическим умом, и блестящим красноречием. Выглядел он как молодец с картинки: ясноглазый, высокий, с открытым лицом славянского типа. На процессы с его участием любили ходить дамы. Его речи в суде обсуждали в гостиных и на страницах газет, клиентура ширилась, доходы росли. Вскоре родилась дочь Маргарита. Муж купил второе имение.

Шубинский был известен, она стала знаменита, и Николай Петрович искренне гордился своей женой. За эти несколько лет Ермолова превратилась в достопримечательность первопрестольной. Москвичи свято верили, что Ермолова заткнет за пояс любую мировую театральную знаменитость: и петербургскую приму Савину, и итальянку Дузе, и француженку Сару Бернар.

Константин Павлинов

«В Москве в то время можно было сомневаться в существовании Бога, но сомневаться в том, что Ермолова вчера была хороша, как всегда или хороша, как никогда - в этом сомневаться в Москве было нельзя», - писал острый на язык фельетонист Влас Дорошевич.

То, что Ермолова делала на сцене, не всегда походило на актерскую игру - в «Татьяне Репиной» она умирала так, что зрителям становилось не по себе. В «Орлеанской деве» актриса, казалось, слышала те же голоса, что и ее Жанна д'Арк. Это было похоже на посланное свыше наитие, энергия которого завораживала зрительный зал.

Но семейного счастья не было. У мужа периодически появлялись любовницы. За обедом Мария Николаевна, молча, выслушивала его нотации о том, что она

Маша Ермолова с сестрами Александрой и Анной

взялась за недостойную ее дарования роль. Вскоре их пути разошлись, и супружеская жизнь превратилась в пустую, тяготившую обоих формальность.

Кто бы предположил, что замкнутая и строгая тридцатилетняя Мария Николаевна может увлечься до такой степени, что ей станет не мила вся прежняя жизнь?

О том, что у Марии Николаевны появился друг, знала только младшая сестра актрисы, Анна - в ее доме они и познакомились.

С Анной Ермолова была более откровенна, чем с другими, но и та не могла предположить, на что решилась Мария: во время последнего, свидания Ермолова обещала другу, что, наконец, оставит все - дом, семью и, возможно, дочь - чтобы уехать вместе с ним.

Мария влюбилась в доктора Константина Павлинова через семь лет после свадьбы с Шубинским.

О том, почему Мария Николаевна так и не смогла уйти от мужа, она рассказала лишь через много лет, когда повзрослевшая, вышедшая замуж за московского врача Василия Зеленина, дочь Маргарита обратилась к ней за советом: ее брак не задался сразу, и она собралась разводиться.

И теперь мать напомнила о том давно забытом разговоре - много лет назад, когда Рита была еще маленькой, Ермо-

лова намекнула ей, что вскоре, возможно, они с отцом уже не будут жить вместе. Дочь плакала до тех пор, пока мать не поклялась, что пошутила. После этого Ермолова перестала думать о разводе. Теперь она сказала дочери, что спокойствие ребенка превыше всего, матери надо нести свой крест и терпеть.

Но права ли она? Ермолова осталась с мужем и продолжила играть роль счастливой жены. Но забыть Павлинова как она не пыталась, так и не удалось.

Летом с дочкой она ездила в Крым. В Ялте актриса подружилась с доктором Леонидом Срединым, с которым проводила все свободное время. Но однажды она неожиданно исчезла, оставив записку:

«Дорогой Леонид Валентинович, не удивляйтесь и не сердитесь. Я уехала в Севастополь. У людей, которые живут не разумом, а чувством, бывают такие неожиданности. Завтра или послезавтра вернусь. Мне необходимо. Скоро увидимся».

Повод был простой: Ермолова узнала о том, что в Севастополь приехал профессор Павлинов.

Было - и не было: вся эта история происходила не с ними, а с другими людьми. Жизнь оказалась горькой на вкус, но вполне понятной. За весной вслед приходит лето, затем наступает осень. Проходит все, с годами все забудется. Впереди - зима, ее нужно достойно встретить. И она встретила ее, хотя зима ее жизни оказалась во стократ суровее самых плохих ожиданий.

В октябре 1917 года власть захватили большевики. Вслед за Петроградом начались беспорядки в Москве, красногвардейцы заняли Малый театр. Они разгромили фойе и артистические комнаты, портрет Щепкина проткнули штыками. Пришли тяжелые годы: фунт хлеба стоил двести рублей, в трубах замерзала вода. В доме на Тверском бульваре ей оставили несколько комнат на антресолях - в остальных разместились бывшие слуги и подселенные жильцы. Ермолова приняла это спокойно, сложнее было смириться с другим.

Шубинский с дочерью и внуком Колей эвакуировались в Константинополь вместе с белой армией, а она осталась. Известия от родных Ермолова получала редко, ее письма до родных не доходили. Ей пришлось продать все, что было подарено публикой: серебряные венки и бриллианты перекочевали в музей Бахрушина.

И все же Ермоловой жилось лучше многих. Новая власть делала ей поблажки: всех отправляли рыть окопы и убирать снег, а ее - нет. Старые подруги, бывшие актрисы, бедствовавшие в коммуналках без пенсий и работы, уверяли ее, что о такой старости можно только мечтать: есть две отдельные комнаты в своем же особняке из двадцати двух комнат, кусок хлеба, почет.

В 1920 году Ермолова отметила сценический пятидесятилетний юбилей, ей первой присвоили звание народной артистки.

Наконец, пришли вести от мужа. В Константинополе он устроился на работу в богатую семью, там были к нему добры, а потом Николай Петрович заболел. Подлечившись, с бывшими товарищами по конной охоте, такими же стариками, собрался было во Францию, но болезнь вернулась, и на этот раз врачи с ней не справились. В 1921 году его не стало. Читая о том, что за его могилой обещали ухаживать, Ермолова плакала.

Зимой 1925 года она почувствовала себя плохо, и в дом на Тверском бульваре пришел знаменитый врач, профессор Константин Михайлович Павлинов - финал их любви оказался неожиданным и печальным. С их первой встречи прошло сорок лет. Он навещал и поддерживал захворавшую Ермолову. Она прожила еще три года и умерла 12 марта 1928 года в возрасте 74 лет.

Марию Николаевну Ермолову похоронили согласно ее завещанию во Владыкино, там, где она встретила свою первую любовь - Николая Шубинского. В 1971 году Ермолова перезахоронена на Новодевичьем кладбище.